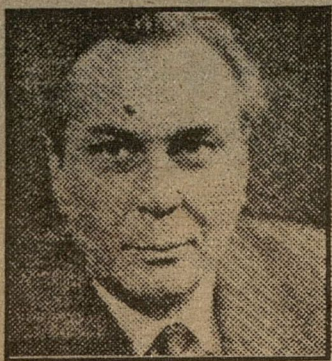

Экспресс - Азия - Азия - 1992 - 7 окт - с. 9

Евгений Матвеев:

ИСКУССТВО - ЭТО БОЛЬ

«Мой зритель – не из элиты, мой зритель – рабочий, крестьянин, простой человек. А иначе у меня и быть не могло: я сам вышел из этой среды...»

– Евгений Семенович, давайте вспомним, как все начиналось?

– Моя жизнь началась в трагической интонации. Мама моя была совершенно неграмотная женщина, а отец – образованный человек. Гражданская война закинула его на Украину, он познакомился с моей матерью, они поженились. Потом он начал быстро расти по служебной лестнице, и его, конечно, неграмотная жена не украшала. Он нас с мамой бросил.

Мы вернулись в семью деда. Встретили маму холодно, потому что она вышла замуж без благословения, да к тому же за коммуниста. Все село знало, что нас отец бросил, что мама не венчана. Там есть такое слово «байстрюк», подзаборник. Пальцем на меня показывали – он не такой, как все. И в маленьком детском сердечке откладывалась печаль. Печаль... я другого слова не подберу. И на маму пальцем показывали – брошенная. Мама была гордая женщина и свою обиду никому не показывала, только я знаю, сколько слез она выплакала. Они до сих пор кипят в моей груди.

В дедовском селе, на Херсонщине, впервые у меня появилась тяга в чем-то себя выразить. Село наше было очень музыкальное, в каждом дворе был какой-нибудь музыкальный инструмент, мне тоже очень хотелось играть. Когда я об этом сказал деду, он ответил: «Заробы – грай». Ну я, «заробыв», начал играть. Играл очень печальные песни. Собирались женщины, просили меня петь. И я пел, а они плакали. Я до сих пор помню, какое трепетное чувство испытывал от того, что вот сейчас буду играть, а они будут плакать. Это во мне начинался артист, хотя я тогда даже слова такого не знал.

Потом мама переехала в Цюриппинск (небольшой городок под Херсоном), чтобы я смог окончить среднюю школу. В Цюриппинске был уже кинотеатр, дом культуры. Тут я стал заниматься в драмкружке, соприкоснулся с настоящей литературой.

Дальше поступил в театральную студию в Херсоне. Здесь во время одного из спектаклей на художого-худого, длинного-длинного юношу, каким тогда был Женя Матвеев, обратил внимание Николай Константинович Черкасов. После спектакля он подошел ко мне и сказал, что мне надо серьезно учиться. Сказал, что в Киеве Александр Петрович Довженко создает школу киноактера. Я поехал к Александру Петровичу, и он меня взял. Так я испытал огромное счастье – был под лучами этого огромного солнечного таланта. И че-

ловек он был поистине великодушный.

В сороковом году ввели плату за обучение в вузах. Для меня это было смерти подобно. До первого января я должен был внести 500 рублей. Стипендия у меня была 130 рублей, мама работала уборщицей в школе, получала 90 рублей. К тому времени я уже не мыслил себя вне актерской профессии. Положение казалось совершенно безвыходным. Я решил покончить с собой. Пришел на Владимирскую горку (думал, что брошусь с моста). И тут мне встретила девочка-нищенка. Грязная, оборванная. Попросила у меня еды. Я привел ее в комнату, где снимал угол. Была у меня халва, несколько килек, немного хлеба. Согрел чай, накормил ее. Она уснула. Так дожил до утра. А утром пришел мой друг Шура Лысица, сказал, что всех собирают в школе. Пришли. Сидим все мрачные. Александр Петрович увидел наши лица, сказал: «Урока не будет. С таким настроением приходите на «Мастерство актера» – грех». И ушел. Мы два часа сидели молча, в каком-то оцепенении. Потом заходит директор школы Гришин и говорит: «Ребята, Александр Петрович заплатил за ваше обучение». За шесть человек, самых бедных...

– А последний по времени мрачный период в вашей жизни начался, видимо, лет шесть назад. Теперь это время как будто заканчивается?

– В моей жизни всего было с избытком: и радостей, и печалей. Такова планета человека, выбравшего путь артиста. Он обречен жить в среде, где соперничество является едва ли не самым главным признаком. А там, где есть соперничество, появляется зависть. Сложность в том, что нет приборов, измеряющих уровень таланта в искусстве. В спорте, скажем, достижения хорошо видны. Прыгает человек с шестом – планка упала, все видят: не взял. А вот где наша планка? Где уровень высоты нашего дела? Я говорю: «Беру эту высоту». Вы говорите: «Нет, не берешь». Как я могу доказать, что взял? Метрами не измеришь, на весах не взвесишь. Так вот зависть... В нашей среде она чаще, чем в какой-либо другой, приобретает болезненные формы, становится тяжелым недугом. Я на себе это сполна испытал.

– Вы говорите, что зависть окружает Вас в вашей среде. Но простые люди, которые любили ваши фильмы, вряд ли очень переменялись к Вам...

– В последнее время какие картины имели самый шумный успех? Их

немного: «Маленькая Вера», «Воры в законе», «Интердевочка». Эти фильмы посмотрело 25 – 30 миллионов зрителей. А мой фильм «Любовь земная» посмотрело 58 миллионов зрителей. «Цыгана» – 67 миллионов, а ведь это не детектив и не комедия.

– Но мелодрамы тоже весьма популярны...

– Я считаю, что мелодрама является одним из самых необходимых для народа жанров. Вспомните сериал «Рабья Изаура», фильм с таким низким художественным уровнем даже трудно себе представить в нашем кинематографе, а весь мир колыхнется вокруг таких фильмов. Человечество устало от тревог и стрессов, в особенности наш народ. Ему, как кислород, необходимы доброта, ласка, нежность. Он тянется к этому. Наверное, поэтому мои картины «Цыган» и «Судьба» имели такой успех. А с другой стороны, фильм «Особое задание» – социальная драма о том, как тяжело работают люди в тылу во время войны, – собрал 48 миллионов зрителей. Все это вызвало сильнейшее раздражение у тех, для кого я в кинематографе чужой.

– В каком смысле «чужой»?

– Я пришел в кино из театра. Раз я занялся режиссурой, не имея режиссерского образования. Два. И если бы не было успеха у моих фильмов, то уверяю вас, все было бы нормально. Но мои фильмы пришлось по сердцу зрителю, чего мне не могли простить...

– Вас обвиняют в том, что Вы делаете конъюнктурные фильмы (хотя и конъюнктурные фильмы, на мой взгляд, можно делать профессионально, добротно). Мне же кажется, что Вам удалось угадать и в своих героях персонализировать какое-то очень серьезное качество в русском человеке.

– Я успех своих фильмов связываю с тем, что за ними стоит народный характер.

Мои фильмы повествуют о людях, которые не дают устранить из нашей жизни нравственный критерий.

И эти люди не придуманы, они реальны, узнаваемы.

Надо сказать, что, действительно, мой зритель – не из элиты, мой зритель – это рабочий, крестьянин, простой человек. А иначе у меня и не могло быть...

...я из этой среды вышел. Почему мне так понятна «Поднятая целина»? Да я с детства варился в этом. Ел из колхозного тазика, когда десять человек садились вокруг и черпали затируху. Поэтому для меня родное все то, что носит

в себе простой человек: и его сила терпения, и вера, и надежда на лучшую долю. Я конъюнктурщик. Правильно. Но я верен своей конъюнктуре. А в новую конъюнктуру я не пойду ни за какие миллионы. Не пойду! Потому что это мерзость и мерзость. Недавно на творческой встрече в Саратове я получил записку: «Евгений Семенович, когда наше кино перестанет нас унижать?» Чтобы я в такой конъюнктуре участвовал?! Не-е-ет.

Моя конъюнктура вращается вокруг непопулярного сейчас слова «патриот». У нас, когда хотят обругать человека, говорят: «Это патриот». Что же, скоро и Жукова, и Сусанина, и Минина с Пожарским занесем в позорный список?

Нас постоянно куда-то кидают.

А моя конъюнктура была и есть – стоять на позициях возвышенной красоты. Поэтому ту работу, которая меня не воспламеняет, я делать не буду. Против Бога я не пойду. Я всегда делал то, что ближе к сердцу человека, не к уму, не к разуму, а к сердцу. За всю жизнь я поставил только одну действительно конъюнктурную картину – «Победа» по роману Чаковского. И что же? Я отказываюсь от нее? Да никогда! И эту политизированную картину посмотрело 28 миллионов человек. Значит, чем-то она людей трогала. У Толстого есть такое выражение, что искусство – это мысль, выраженная в чувствах, чувственная мысль. Я вот другой раз читаю сценарий. Умный. Но не трогает он меня! Если он меня не трогает, то как же я смогу зажечь зрительный зал? У Белинского можно прочесть, что искусство – это не рассуждение, это есть крик, это есть вопль, это есть боль.

Сейчас пошла волна эротики. Что я, против? Да нет, не против. У Родена есть скульптура «Ускользящая любовь». Два обнаженных тела. Люди стоят перед этой скульптурой часами, никого эта нагота не оскорбляет, потому что у Родена торжествует гармония красоты.

А у нас сегодня я вижу грязь! Опять-таки у Белинского есть фраза: «Люди – не звери и не ангелы. И должны любить не животное, не платонически, а по-человечески». Не животное! А мы низводим любовь до уровня случки собак на улице.

– Над чем Вы работали в последнее время?

– Недавно я снялся в фильме «Клан», играю в нем Л.И. Брежнев. Тут Леонид Ильич уже такой, что плохо видит, плохо слышит и, я полагаю, уже плохо думает. Мне было безумно инте-

ресно эту роль сыграть. Но я столкнулся с колоссальным препятствием. Когда-то я сыграл роль молодого Брежнева, генерал-майора, который в тот период вряд ли подозревал, что когда-нибудь станет Генеральным секретарем. Это был нормальный генерал, жил нормально, выпивал, любил женщин. Он был такой. А сейчас мне предстояло сыграть его, когда у него уже и чело- лость плохая, и всякие другие недостатки наружу полезли. Ведь мы же помним, что на склоне лет он стал карикатурой на самого себя. Можете представить себе мое положение? Сыграть его таким, каким он сейчас живет в наших анекдотах, с моей точки зрения, было бы безнравственно. Но как же мне его сыграть, чтобы это не было шаржем, а был бы реальный человек? Во время съемок я постоянно всех спрашивал: «Нет ли перебора?» Неделю перед первым просмотром плохо спал, нервничал, не дай Бог, если в этом будет хотя бы крупинка издевки. Но первым просмотром я остался доволен: удалось его сыграть таким, какой он был.

– Читателей всегда интересует вопрос о личной жизни артистов...

– Народная молва делала меня мужем чуть ли не всех героинь моих фильмов, а у меня жена все та же: как в 1947 году поженились с Лидией Алексеевной, так до сих пор она меня и терпит. Женщины всегда ко мне относились хорошо. Может быть, потому, что я родился 8 марта.

Дети мои не пошли по моим стопам. Сын никогда не рвался в кино, он человек технический. А дочь рвалась. Но я все сделал, чтобы это не осуществилось. Сдавала она вступительные экзамены у меня. Я ей тогда прямо сказал: «Если можешь найти в себе силы, выбери другую профессию». Она получила гуманитарное образование, работает сейчас редактором. У старшего внука, Алексея, к десятому классу артистический зуд, слава Богу, тоже прошел, сейчас мечтает стать бизнесменом. А вот в младшем внуке, Евгении Матвееве-II, что-то есть... Темперамент, цепкость в восприятии событий окружающего мира и какая-то трепетность в отношении к нему... Но главное, чего мне хочется, чтобы мои мальчики стали настоящими мужчинами.

– Дай Бог, как говорится. А Вам, Евгений Семенович, мы от всей души желаем оставаться таким, какой Вы есть.

Виктор ОЗНОБИН.

ков. Те испуганно таращили глаза, вырывались. Их сопротивление он понимал по-своему, думая, что это они от восторга, – как-никак акварель! Масло тогда существовало для него только в единственном виде – на обеденном столе. Когда узнал о художественном, раздобыл где-то один тюбик, зеленый и, придя к реке, срисовал мост. Но холсту тогда не поверил.

Игорь Ганкевич не был отличником в школе. Как и не был двоечником. Ушел из школы после восьмого класса без особого сожаления, считая, что о Пушкине, Толстом, Достоевском нужно говорить вдвоем. Классическая литература, убежден и сейчас, не бывает в одном лице – лице учителя, как не бывают зелеными мосты.

Первую выставку своих работ он устроил сам. Тайно. Ночью. В одной из школ, которую

сторожил. Разошлись далеко за полночь, стараясь остаться незамеченными. Но кто-то все же узрел компанию старшеклассников во главе со странным художником или привлекли внимание санки с картинами. Но так или иначе на утро директор школы уволил сомнительного сторожа, прибавив к аргументам «против» и нарисованного им на стене одной из лестничных клеток ангела.

Он пошел туда, где пахло красками, как идет на свет сбившийся с дороги путник. Оформлял стенды, плакаты, зовущие в коммунистическое завтра, расписывал керамику. До поры. Пора настала погода спускаясь: безмянные росписи, как вампиры, поглощали всю его энергию без остатка на живопись. Распрощавшись с производственным художественным ремеслом, он

понимает, что дальше идти некуда. Только – к холсту. Его картины о человеческой душе. Душа каждого человека предельно чиста и неприкосновенна. Как ребенок во чреве матери. Другое дело, насколько зачернилась ее оболочка. Чем чернее, тем ниже человек, отвергнутый высшим миром, не принят и земным. Распят на асфальте. Безлюдную улицу топчут слоны. За углом притаились черти.

Был дом – остался угол.

Жизнь – пирамида. Пик жизни – ее вершина. Вершина упирается в небо.

Сотрудники библиотеки, узнав, что недавно принятый сторож еще и художник, у которого есть с десяток картин, предложили ему устроить выставку. Он согласился, надеясь, что она прибавит ему единомышленников. И они появились.

«В ваших картинах – отражение моей души, – написала некая Оксана в тонкой ученической тетради отзывов. – Мой мир такой хрупкий. Ваши картины дали мне силы. Я верю им! Они – чудо! Спасибо».

Что будет с ним дальше, Игорь не знает. Не мешало бы послушать уроки учителя, ведь учился только по книгам (был даже первым по посещаемости в областной библиотеке). Подзабыл. Хотя и не по душе, но придется, видимо, продавать картины, чтобы прокормить семью, купить новые холсты, кисти. Нужны и подрамники. Те, что когда-то снял с портретов членов политбюро, найденных на свалке, уже кончились.

Людмила МАСНАЯ.

г. Акмола.

Фото Геннадия АЛЕКСИНА.

Матвеев Евг.

4.10.92